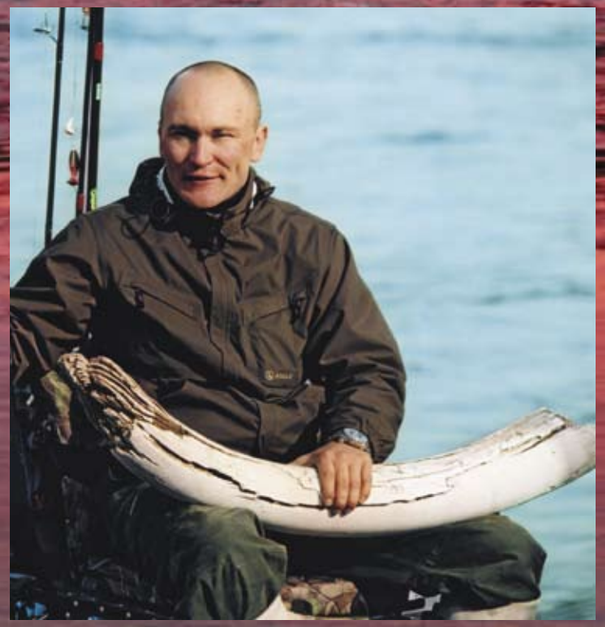
С очень легким паром, или никакой иронии судьбы...

Игорь ГРИГОРЕНКО,
Фото автора и Александра Билюкова



Каждый год мы с друзьями отправляемся... нет, не в баню, а на Север. И уже много лет. Стараемся сделать это хотя бы раз и, в зависимости от времени года, поездка оказывается сопряженной со сплавом, пробегом на снегоходах или квадроциклах. Для сплавов стараемся выбирать такие реки, куда очень трудно добраться, где наверняка нам не встретятся ни туристы, ни местное население.

Несколько лет назад наша команда решила остановить выбор на Таймыре. С помощью Интернета, по разговорам с друзьями-путешественниками было выбрано семь вариантов – семь рек, определиться с одной-двумя из которых предстояло в Хатанге. Отправляясь на Север, лучше не связывать себя каким-то конкретным маршрутом, а доверить окончательный выбор местным вертолетчикам, которые, ориентируясь по погоде, решат, в какую именно глушь целесообразнее забраться.

Последний гражданский аэропорт Заполярья, принимающий самолеты из Москвы, находится в Хатанге – дальше только специальные аэродромы. 14 августа мы вышли на его шершавый бетон из лайнера «Сибирских авиалиний» и сразу связались с вертолетчиками. Они быстро определились с направлением, в котором протекала одна из намеченных нами рек – Маймеча. Река эта довольно спокойная и потому удобная для рыболовного сплава. Притом на ней неоднократно находили бивни мамонтов, и это было любопытно.

Хотя погода стояла летняя – светило солнце и даже припекало, но, как всегда на Севере, все это могло в одночасье смениться ледяным дождем, а то и снегопадом, и самое разумное в такое время поторопиться. Поэтому, несмотря на позднее время, ночевать в поселке мы не остались, а сразу забросились на реку.

Всегда немного волнующим оказывается момент, когда разгрузившийся вертолет оставляет тебя в безлюдной местности. Вот и в этот раз, когда оранжевая «восьмерка» уже исчезала из вида, кто-то из друзей озвучил свершившееся с оттенком пафоса в голосе: «Все! Помощи ждать неоткуда. Мы остались один на один с дикой северной природой». Это было не совсем правдой, поскольку у нас был с собой спутниковый телефон, которым впоследствии неоднократно пользовались, и потому куда естественнее прозвучало высказанное тоже кем-то из ребят: «Ну, наконец-то начинается сплав! И мы к нему готовы». Кстати, мы – это группа из восьми мужиков в составе Ростислава Прозоровского, Ильи Будянского с сыном Павлом, Сергея Румянцева, Евгения Колмыкова, Михаила Натапова, Александра Билюкова и меня, пишущего эти строки. Люди все были проверенные неоднократными совместными путешествиями, часто экстремальными, люди позитивные, любящие Север и понимающие красоту подобных поездок. В таком составе команда собиралась впервые, но я знал их всех. На самом деле подбор компании – тем а серьезная, поскольку очень важной составляющей таких путешествий является общение, в какой-то степени о нем можно говорить, как о самоцели – о том, ради чего люди вообще забираются в такую даль. Общение вне условностей бизнеса, вне мельтешения московской суеты. В разное время в поездках, подобных этой, мне приходилось гасить в зародыше потенциальные стычки, но на этот раз их не было в принципе.

Амбардах и Маймеча

Первый лагерь на Амбардахе, левом притоке Маймечи носил откровенно «вокзальный» характер. Все выгруженное на береговые камни нужно было привести в походное состояние, и, конечно же, невозможно было удержаться от того, чтобы сразу не помочить снасти. Пока одни надували баллоны катамаранов и перекладывали вещи как можно более компактно, другие забросили спиннинги, и вскоре на туристическом столике появилась миска с нарезкой из свежевыловленного хариуса. Сырое мясо северной рыбы с васаби и соевым соусом стало хорошим поводом для того, чтобы слегка отметить начало сплава.

Северный пейзаж неброский, но по-своему выразительный. Он то равнинный, с большим обзором, с полого спускающимися к воде берегами и парой кривоватых лиственниц словно бы нарочно, для «композиции», высаженных на мысу. То это скальник с прижимами, обрывающимися вертикальной стеной в воду, с породой, выветрившейся до образования сказочного города из каменных столбов.

Плесы на этой реке лишь изредка перемежались несерьезными порогами. Нигде, на всем протяжении не было заметно никаких следов людей – ни разу не встретили даже застаревших кострищ. Погода менялась довольно решительно от +10 с проливным дождем, который отметил второй и третий дни сплава, до +20, когда становилось жарко даже в майке. В такие дни мы загорали и пробовали купаться. Я опробовал и предложил следующую процедуру «помывки», которой потом следовало большинство: обливаешься сначала холодной водой, потом нагретой в котелке градусов до сорока, потом намыливаешься и смываешь мыло теплой водой. Что и говорить, «пар» был более, чем легкий.

Ловился на Амбардахе и Маймече только хариус. Причем, на любую блесну. Если здесь и был таймень, то он просто не успевал схватить приманку. Хариус уступал в размерах тому, что приходилось удить на Полярном Урале, где рыба достигала двух килограммов, но на килограмм – на кило двести рыбины попадались регулярно.

Несмотря на дождь, на второй день сплава накоптили рыбы на ивовых вет-

ках. С собой у нас была довольно объемная коптильня, в которой решетки устанавливались в два ряда. Объяснить словами, как это вкусно – хариус, закопченный на берегу, – дело безнадежное. А вот о пользе коптильни скажу несколько слов. Было сомнение, стоит ли брать такую габаритную «железяку» на сплав ради того только, чтобы с одного приготовления всем хватило горячей «копчушки». Но я взял ее и по ходу дела решил, что коптильню можно использовать, как «кухню» во время движения. Обычно как проходит во время сплава питание – все ловят, пока не проголодаются, тогда пристают к берегу и, моря червячка хлебом и салом, начинают готовить уху или жарить рыбу, что занимает не менее получаса. Я же ставил на дно коптильни газовую горелку и готовил уху в процессе движения, а по выходе на берег, народ сразу же накидывался на горячее. Там, где начался скальник, мы даже не выбирались на берег, а, состыковав катамараны, обедали на плаву.

Иногда в этой коптилке нагревали камешки, и те, у кого замерзали ноги, клали их в обувь в качестве грелок. Другими словами, коптильня себя не раз оправдала и по прямому, и по «кривому» назначению.

Вечерами закаты становились до того красивыми, что глаза просто отказывались верить в реальность происходящего. На том снимке с закатом и костром, который приведен в журнале, нет ни одного миллиметра «фотошопа» – именно такими и были краски на самом деле. Как только попадалось место

с водопадом или просто живописным прижимом, останавливались и забрасывали снасти, чтобы выудить очередных хариусов.

Рыбы на еду было более чем достаточно, но все надеялись реализовать приобретенную в Хатанге лицензию на оленя, только травоядные не спешили попадаться на глаза.

Самым впечатляющим событием стала находка бивня мамонта. Бивня небольшого и сильно растрескавшегося, но заставившего некоторых поверить в то, что скоро удастся увидеть и самого мамонта. Напрасно – ни мамонта, ни чего-либо еще съедобного четвероногого увидеть на Маймече так и не удалось. Единственным мясным блюдом здесь стал гусь, которого один из нас сумел... серьезно ранить выстрелом из карабина. Патрон 9,3х64 полностью подавил способность птицы к сопротивлению жизненным обстоятельствам, и в конце концов она попала на наш стол.

Все немного обросли бородами, Илья не выпускал изо рта трубку, и все это придавало путешествию особый колорит. Наш катамаран, где были еще Илья с Павлом и Михаил, за преуспеяние в рыболовном деле получил в «народе» название «Рыбачьте с ними». Команда второго за известную особенность физиономий некоторых его пассажиров в утренние часы была удостоена почетного звания «Пчеловоды».

Пять дней мы шли до слияния Маймечи с широкой Хетой, куда вызвали вертолет, и он перенес нас на Котуй.

Котуй

Начинаясь на горе Камень, Котуй несет свои быстрые воды на юг, но ниже Чиринды, чуть-чуть не достигнув широты Северного полярного круга, поворачивает к океану, образует гигантскую петлю и в нижнем течении идет преимущественно в северо-западном направлении практически параллельно

Маймече и так же, как и она, впадает в Хету-Хатангу. Только существенно ниже по течению, почти у самого поселка. Основная причина, по которой хотелось попасть на Котуй – таймени. Здесь, по словам многих бывалых рыболовов, тайменей просто прорва! А кому не хочется поймать хоть раз в жизни царь-рыбу Сибири?!

21 августа мы вылетели к месту впадения Котуйкана в Котуй, но по пути еще высадились на очень красивом озере, где половили крупных северных щук, и потому к началу второго сплава прибыли уже на исходе дня. Пока распаковались и перепаковались, пока надули баллоны катамаранов, поставили палатки, стемнело. Уже начали собирать на стол, чтобы поужинать перед сном, когда я отошел на пять шагов от костра и забросил спиннинг, снаряженный «мышом» в реку. «Мышь» был не простой, а Красноярский – их деревянные «мышки» славятся своей уловистостью. Буквально на втором забросе взял таймень, и это было настоящее чудо! Вернее, мне так показалось в первый вечер на Котуе, поскольку я еще не знал, что завтра начнется тайменья атака на наши приманки…

Утром мы с Ильей встали пораньше и начали ловить. Сначала на блесну. Первые таймени килограммов на пять-шесть стали событием, заставившим Илью забыть про свою трубку – с этого момента с его лица часа полтора не сходила детская улыбка. Каждый десятый заброс заканчивался поимкой 5-9-ти килограммового тайменя. Снятых с крючка и сфотографированных мы опускали их аккуратно в воду, «прокачивали» жабры, придерживая рыбину за основание хвоста, и отпускали. Однако скоро занятие это стало довольно однообразным, и мы сменили приманку – стали забрасывать «мыша». Как известно, это ночная приманка – настоящие мыши ночью переплывают реки, когда их и любят заглатывать таймени. Но здесь таймени, как оказалось, и днем берут на «мышей». Причем гораздо активнее, чем на блесну – поклевкой заканчивался уже каждый третий заброс. Не сходя с места, мы поймали полтора десятка речных «львов», самым крупным из которых оказался двенадцатикилограммовый. Наверняка там были и более крупные, но мелочь просто не давала им клюнуть. Впрочем, дело еще и в том, что крупные

мало питаются – поймают ленка килограмма на три и переваривают его целый день, стоя в яме. Поэтому и ловить их нужно на очень крупные приманки. Нам не раз приходилось видеть очень крупных тайменей, которые стояли в воде и не брали ни на что. Иногда видели их плывущих по перекатам. Мои знакомые на Мойере (до ее впадения в Котуй) «просвечивали» реку эхолотом и видели в ямах очень крупных тайменей, но заставить их клюнуть им так и не удалось.

Восьми-десятикилограммовой «мелочи» за день мы наловились до боли в конечностях, но сказать, что такая рыбалка приедается, было бы неправдой. Каждый из команды, кто любит ловить, испытал настоящий восторг в этот первый день пребывания на Котуе.

Один девятикилограммовый таймень зацепился настолько неудачно, что потерял глаз и вообще сильно изранился, потому решено было его съесть. Одной рыбины хватило и на уху, и на жареху, и на копчение. В желудке у него, кстати, оказалось девять мышей. Возможно, мы попали на жировку тайменя, готовившегося к зимовке.

Ниже плеса, где шла ловля, начинался порог, причем довольно серьезный – с заворотом в форме буквы S и с валами метра по два. Форсировать его начали следующим утром – надели спасжилеты, привязали вещи к катамаранам и в путь. Описывать, как нас там крутило, не буду, поскольку приходилось не раз проходить и более серьезные препятствия во время рафт-сплавов. Скажу только, что вымокли все насквозь. Ниже еще был порог, но уже не такой драматичный. Не распаковываясь, мы продолжали продвижение вперед, и я вдруг заметил на первом катамаране специфичную возню – вроде как Женя старался вытащить из узлов карабин, а трое остальных смотрели на берег. Последние шесть дней мы питались преимущественно рыбой, и народу стало очень хотеться мяса. Все думали только о том, как бы реализовать имевшуюся лицензию. Кажется, такая возможность предоставлялась…

Держа весло одной рукой, другой я расстегнул чехол и достал карабин – вещи паковал так, чтобы он всегда был под рукой. Как только стал виден покрытый лесом берег, заметил нескольких оленей, заходивших в лес. До животных было метров двести, но катамаран сильно качало на послепороговой бурунах, и стрелять было сложно. Когда удалось кое-как прицелиться, звери уже скрылись за деревьями. Лишь на несколько секунд открылся бок одного из оленей в просвете между лиственницами, и я выстрелил. Увидел только, что там, куда ушла пуля, полетел какой-то пух. Однако было непонятно, что это за пух – от густой растительности или от зверя.

Причалили, пошли смотреть. Ребята с первого катамарана встали ниже по течению и уже спешили к нам с карабином.

Метрах в двадцати от кромки леса, на мху среди деревьев живописно лежал олень с пробитой пулей лопаткой. Трехсотый калибр чисто сделал свое дело.

Настроение в команде сразу поднялось, решили делать дневку. Достали мясорубку, накрутили котлет, сварили шурпу, и стало хорошо – все-таки нужно мужикам мясное питание при таких нагрузках.

Пройдя еще некоторое расстояние, остановились на ночевку, и Север решил сделать нам очередной сюрприз. Оказалось, что мы встали на пути миграции оленей. Поначалу они переплывали реку метрах в трехстах выше по течению,

а потом стали заходить в воду уже в сотне метров. При этом течение сносило их прямо к нам, и было занятно наблюдать и снимать на видео плывущих зверей – казалось, что ярко-белый столбик-хвост торчал из воды прямо сзади головы с молодыми, в темном велюре рогами. Олени шли и шли группа за группой, и скоро мы уже привыкли к ним, как к родным.

А утром проснулись в засыпанном снегом лагере. Влажный снег покрыл землю, продавил местами тенты палаток. Катамараны, катушки на стоящих в специальных ящиках удилищах, – на всем лежал снег, и даже тройники блесен удерживали на себе свою порцию слипшихся в комок крупных снежинок...

Завершающим приключением нашего путешествия стала... «охота» на приваде. Едва зашли утром в лес, как сразу обнаружили огромные следы волков и росомах. Оленей сопровождали лохматые «пастухи» с хищническим образом всей их жизни. Мы с Женей Колмыковым просто не могли упустить шанс добыть полярного волка и устроили из оленьей головы и остатков хребтины с ребрами приваду. Выложили это все под горкой, на которой сами уселись, закутавшись в спальники. Поскольку сидеть предполагалось долго, решили поочередно дежурить и спать. Спали по очереди три часа. Но, проснувшись в очередной раз, я услышал боевой храп товарища, и стало понятно, что рассчитывать на охотничью удачу в эту ночь уже не приходится. Разбудил Женю, и мы решили идти в лагерь.

Утром все-таки наведались посмотреть, что там с привадой.

Произвело сильное впечатление не то, что на месте осталась только хребтина с ребрами, а голова оленя отсутствовала, но то, что на следу росомахи, отгрызшей голову, не было ни одной капельки крови и ни одного места, где бы по снегу хоть раз чиркнуло рогами оленя. Было впечатление, что она несла эту голову, забросив на спину, как волк овечку. Только метрах в ста от привады нашли несколько капелек крови. Очень сильный зверь росомаха, однако! И подумалось, что сделали разумно, уйдя спать в лагерь. А то и нам могла бы голову отгрызть.

На следующий день мы стояли на берегу и кричали хором: «У-у-у-у-у-у, вертолета-а-а, прилета-а-а-а-ай, однако»! И он прилетел. Потому что мы не только так кричали, но и догадались вызвать его по спутниковому телефону.

Последний штрих – поднявшись в воздух все на том же МИ-8 и бросив прощальный взгляд на Котуй, сразу несколько человек заметили у привады огромного волка. Пока вертолет заворачивал, пока кто-то пытался распаковать карабин, зверь, увы, скрылся в лесу...

Вот и все наши приключения, имевшие место холодным северным летом недавнего года, за время которого мы испытали столько подарков судьбы, что, если и была где-то какая-то ирония, то никто ее даже не заметил.